

Мастера
современной
русской
прозы

Артур Доля

Ленинский проспект

МОСКВА

2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д65

Оформление серии и дизайн переплета:
Александр Кудрявцев, студия «FOLD & SPINE»

Доля, Артур.

Д65 Ленинский проспект : [роман] / Артур Доля. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 480 с. — (Мастера современной российской прозы).

ISBN 978-5-699-91747-1

Они идут по направлению друг к другу. Во времени 2000-х годов. В пространстве Ленинского проспекта Москвы. Он подобен Энею Вергилия. Она — Беатриче Данте. Литературные, культурные аллюзии превращают этот роман пути в культурологическое путешествие. Происходящее в нем порой похоже на съемку фильма — эпизоды, стоп-кадры, дубли, монтаж, бегут титры, стрекочет кинопроектор, а на подсознание воздействует 25-й кадр. Как главный герой в ходе этого путешествия — возможно, не столько по Москве, сколько по лабиринтам собственного сознания — обретает внутреннюю независимость, так и автор демонстрирует самостоятельность своего взгляда на жизнь. Магический кристалл мировой культуры, через который он смотрит на мир, лишь помогает ему в этом. «Теперь я вижу как бы сквозь тусклое стекло», — смеется главный герой.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-91747-1

© Доля А., 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Мне восемь лет, я учусь в третьем классе. У меня замечательная мама и в школе одни пятерки. Моя мама работает в библиотеке имени Крупской. Она выдает людям книги, чтобы они читали и были умными. После школы я часто иду в библиотеку, помогаю маме, а потом готовлю уроки в читальном зале.

Я живу в городе-герое Москве, столице Союза Советских Социалистических Республик. Городе пяти морей. В Москве расположены Красная площадь, «Детский мир» и ВДНХ. Это самый красивый город на свете. Мама говорит, что все жители планеты завидуют нам.

А папа у меня полярник. Он работает на Северном полюсе, и я его никогда не видела. Но мама говорит, что он скоро вернется и привезет мне в подарок настоящего белого медведя. Я очень люблю книжки про полярников. Особенно мультфильм про медвежонка Умку.

А еще мы с мамой читали «Божественную комедию» Данте Алигьери. Мама даже хотела назвать меня Беатриче, когда я только родилась, но папа не разрешил. И меня назвали Машей, в честь его бабушки. А потом он уехал на Северный полюс. Но скоро приедет. Если честно, мое имя мне не очень нравится. Лучше бы меня назвали Суламифь.

Артур Доля

Когда я вырасту, я буду работать в библиотеке. А еще я куплю маме шубу, большую-большую. Она у меня самая красивая. Моя мама говорит, что если чего-то очень-очень захотеть, то желание непременно сбудется. Дедушка Мороз, пожалуйста, сделай так, чтобы я побыстрее выросла. Я очень люблю свою маму.

Маша Оболдина,
ученица 3 «Б» класса средней школы
№ 1213 города Москвы.

* * *

Стареют. Все им не так. Пора выгонять на улицу. Засиделись они у меня. Умрут и что потом? За собой потащат! А ведь умрут, если уже не умерли. Станный запах преследует меня. А новых не видно. Новые обходят меня стороной. Ни одной новой мысли!

Долго я так сидел.

Все не так! Вместо того чтобы открывать и закрывать горизонты, доставлять радость, дарить лапы или крылья, — шаркают тапочками на своих дребезжащих ногах и требуют внимания. Как будто они мне родственники. Вместо того чтобы развлекать, утомляют.

Хлопнуть бы дверью, чтобы с петель, чтобы потолок осыпался. Мысленно хлопаю дверью. Нет, не так. Хлопнуть бы, чтобы вздрогнули... И снова не так.

Бывает, заскочишь в метро, захлопнутся дверцы вагона, хлопнешься на свободное место, мелькнешь взглядом по сторонам (мука смертная, если рядом старушка стоит или беременная), а напротив сидит старичок, и нет в нем ничего особенного, ни мудрого взгляда, ни белой бороды до пояса и никакого интереса к тебе. Но он напротив. Мы

летим в черном туннеле, слегка покачиваясь вместе с вагоном, в одном направлении, а мне кажется, что передо мною сам Господь Бог. Нет, не так — я перед Господом. Со всеми глупостями, включая мысли о старике, с нелепой попыткой, хотя бы на миг, перед этим стариком, не множить глупости. Ведь стоит заговорить: обычный старик, с дачи возвращается, как доказательство — охапка полевых цветов. И внуки у него есть. Впрочем, я никогда не пробовал заговорить. О чем? Если это Он: каждый раз Он будет прикидываться кем-то другим. В прошлый четверг Он был лет на двадцать моложе, с еле заметной проседью, с дерматиновым портфелем на двух замках. А если я ошибаюсь: всякий раз это будет кто-то другой.

«Осторожно, двери закрываются».

Хлопнуть бы ими что есть мочи. Чтобы вздрогнули.

Нет, не так. Хлопнуть бы ими...

Долго я так сидел. Покачиваясь. Словно случилось что. Что?

Вид из окна

Кадр 1. Дети пекут куличи.

Кадр 2. Соседка не может припарковаться.

Кадр 3. В мусорном баке существо, утратившее возраст и пол, отделяет зерна от плевел.

Несколько маленьких рук вцепилось в ведро. Соседка давит на газ и на тормоз, крутит руль вправо-влево, крутит головой. Бесполое существо примеряет изъеденный молью шарфик.

Мамы и бабушки растаскивают орущих детей и внуков.

Артур Доля

Соседка перегораживает проезжую часть и глохнет.
Существо, лишённое возраста, прячет шарфик в бездонную матерчатую сумку.

Я стою у окна.

Я не вижу себя со стороны. Во всяком случае, другие видят меня по-иному, каждый по-своему.

Чуть поодаль от меня (единственного, которого я не вижу со стороны) стоит стул, на котором я просидел неизвестно сколько времени.

Долго я так стоял, наблюдал. Не сравнивал, не противопоставлял себя. Просто так. Пока не остыл, как чай.

— Ты же ни на что не способен. Тряпка! Посмотри на себя! Всюду люди как люди. Тобой полы подтирать! Нет, ты посмотри!.. Сколько лет я прошу тебя сделать ребенка? Другая бы на моем месте...

У меня пронзительно тонкие стены, до неприличия, и какой-то особый, обостренный слух. Я слышу не только голос Эльвиры: Ты же ни на что не способен. Тряпка! — его слышат и другие соседи по лестничной клетке. Нет, я слышу, как Серафим молчит, как наливается кровью, как он встает, кладет свою длань на изрыгающий проклятья рот и тут же отдергивает укушенную руку. Я слышу глухую борьбу за стеной, я слышу паденье, стоны...

Это происходит каждую субботу, с девяти до десяти утра.
Еще каких-нибудь пять минут, и она его простит.

При выборе врат материнского чрева можно ошибиться, — предупреждает путеводитель по Бардо Тедол. — Даже если чрево покажется тебе хорошим, не соблазняйся

им, а если покажется плохим, не испытывай отвращения. Освободись от влечения и отвращения, от желания брать и избегать, достигни полного беспристрастия — в этом величайшее из искусств; думай так:

«О! Я должен родиться великим царем, или брахманом, подобным дереву сал, или сыном того, кто наделен силами сидхи, или в семье с безупречной родословной, или в касте ревностных почитателей религии; рожденный так, я должен обладать великими достоинствами, чтобы служить всем живым существам». С этой мыслью направь свое желание и войди в чрево, представь себе, что чрево, в которое тыходишь, — небесная обитель.

Они молча курят в постели: Эльвира, с припухшей верхней губой, и Серафим. На ребре ладони у Серафима свежий лейкопластырь. Кто знает, быть может, положено начало новой жизни? Дым, легким виденьем... нет, не так, — дым, плавным движеньем руки, уплывает в открытую форточку, на свежий воздух. Чресла Эльвиры заботливо прикрыты белым крылом простыни.

Смотрю на него. На крыло. Тук-тук, тук. Смотрю сквозь бежевые обои в полоску, сквозь бетонную стену, разделяющую наши квартиры. Тук-тук, тук, тук-тук, тук в голове.

Процесс случки — пробую вызвать в себе отвращение — совокупления плюса с минусом дает безумный выброс энергии. Даже тучи рождают молнии, а с виду однополые существа. Я не хочу говорить о двух полушариях мозга, не могу представить, что познаешь в тот миг, когда между ними коитус. Знаю только, мысли от этого не рождаются, — это все равно что подцепить триппер. Можно вспомнить устройство реактивного двигателя...

Артур Доля

— Онанист. — Эльвира поднялась с постели и, завернувшись с головой в простыню, только глаза сверкают, стоит перед тонкой до неприличия стеной.

Неправда — я отвожу взгляд, — она не может этого сказать.

Меня раздражает восточная красота Эльвиры, я не понимаю эту красоту; больше — я чувствую какую-то глухую враждебность. Темные силы заключены в ее тяжелых волосах. Мне кажется удивительным, почему Серафим не относит «онанист» на свой счет. Даже если неправда, почему он так уверен?

Слышу, как зашумела вода в их старом унитазе.

— Ты что-то сказала?

Ничего она не сказала! Что она может сказать?

Эльвира распахнула простыню, — те же тяжелые волосы, что и на голове, тот же темный взгляд, может, еще темнее, — и улыбнулась сверху. Краткий миг, — я слышал, как простыня белым занавесом закрыла сцену; всего мгновение — но темный свет, бьющий из расщелины, еще долго притягивал мой взгляд.

— Сходи за хлебом.

— Я занят.

— Ну, джана!

И снова шум воды в унитазе.

— А я пока приберусь.

Для полной картины не хватает тараканов на кухне, — мелькает зловредная мысль. Но чего нет, того нет. Лапки тараканов, усы создают характерные колебания в воздухе. Жизнь вибрирует.

— Джана!!

— Что?!

Как же она вибрирует! Меня раздражает их манера кричать через пространство — пусть небольшое, пусть замкнутое, — вместо того, чтобы сделать шаг навстречу друг другу. Раздражают горы немой посуды и вечное кап-кап-кап...

Вашу мать! Вызовите слесаря! — хочется заорать так, чтобы оглохли. — И замолчите, наконец!

— Ну, джана!

Не слышат. Они не знают моих желаний. Когда человек счастлив, он слышит только себя.

Слесаря!!!

А если и впрямь заорать?

На лестничной клетке сталкиваюсь с Серафимом — сияние от лица его. Не здороваюсь и никогда не поздороваюсь. В прошлый четверг я сказал «Привет!», а он не ответил.

— Привет! — говорит Серафим.

— Привет.

Нам не о чем говорить, нечего скрывать. Мы ждем лифт: без скрупулезного рассматривания собственных бо-тинок или надписей на стенах, без напряжения. Хотя вот эта: «Сирафим гандон», — вызывает улыбку наличием орфографических ошибок в таких, казалось бы, знакомых с детства словах. Любопытно, кому из тинейджеров он запретил курить в подъезде? Спросить?

— На улицу, воздухом подышать?

— В магазин.

— Понятно...

С ним легко молчать, даже в лифте застрять не страшно, — будто и нет никого. Только углекислый газ выделяется. А впрочем, не намеряя ему Господь двух метров, я

Артур Доля

бы и этого не заметил. Большой он какой-то. Хорошо, что люди не читают чужие мысли. Или читают? Будь я моложе, здесь бы на полстены красовалось: «Эльвира — пиз (далее замазано)!»

Затихла лебедка, доставив кабину на девятый этаж. Я улыбнулся своим мыслям откуда-то сверху, почти как она, и среди мыслей не выделил Серафима. Раздолбанные тысячами людей, подрагивая, разъехались двери лифта. «Представь себе, что чрево, в которое тыходишь, — небесная обитель».

— Деньги забыл! — удивился Серафим.

«Представь себе, что чрево»... и я вошел.

Сомкнулись воды... тьфу, сомкнулись двери за спиной. Матка вздрогнула, загудела и начала опускаться. Я огляделся, внимательный к деталям: все как обычно. Восьмой этаж: я ничего не испытываю; пульс нормальный. Седьмой: где же мое воображение? Шестой: допустим, стальной трос, на который подвешена кабина — пуповина, и если ее обрезать... Лебедка остановилась. Я снова улыбнулся: шестой этаж, и если ее обрезать... Говорят, ребенок может улыбаться в утробе матери. Чему? ведь он ничего не видит?.. Если ее обрезать — будет выкидыш! Погас свет.

Перестань улыбаться, придурок! надо было сразу нажать на кнопку вызова! Ты хотя бы помнишь, где она? — От неожиданности я забыл, где находится панель с кнопками, и теперь, без приказов самому себе, мог растеряться. — Вытяни вперед правую руку! — В крошечной тьме, осторожно протягивая руку, вдруг подумал: а где подтверждение? может, мне только кажется, и на самом деле нет у меня никакой правой руки? всего лишь мои представленья? Но тут, коснувшись чего-то влажного, скользкого, липкого,

успокоился. Свежий плевок на стене — вспомнил недавний осмотр кабины — он! И словно при электрическом освещении представил картину в целом.

— Свињи! — с досады, с размаха, вкладывая всю го-
речь в удар, врезал ногой в стену. — Подонки!

— Вандалы! — тут же раздалось на лестничной клет-
ке. — Перестаньте ломать лифт! Сейчас приедет милиция!

В 108-м отделении милиции на меня решили повесить все изуродованные лифты Гагаринского района за последний год. Младший лейтенант Шпак не видел другого варианта стать старшим лейтенантом и раскручивал меня по полной. Мы смотрели одни и те же фильмы и понима-
ли друг друга с полуслова. Я играл в несознанку, он давил фактами.

— Двенадцатого января две тысячи первого года по адресу улица Орджоникидзе, дом 44, в подъезде № 5 неустановленными личностями (Шпак оторвался от листа бумаги, внимательно посмотрел мне в глаза; исправил ошибку), неустановленной личностью был выведен из строя лифт. Используя тупой тяжелый предмет, предположительно лом, злоумышленник (лейтенант недовольно поморщился) разворотил железные двери и, проникнув внутрь кабины, сделал пролом в стене. После чего, разбив лампочку, скрылся с места преступления. (С холодным интересом взглянул на меня.) Так, так, так... Знакомый почерк.

Я представил себя с ломом в руке.

— Девятнадцатого января две тысячи первого года по адресу улица Вавилова, дом 17, в подъезде № 1 неустановленной личностью (все последующие нападения предусмотрительно происходили в единственном числе) была по-

Артур Доля

дожжена и полностью сгорела кабина лифта. Экспертиза показала: перед тем как поджечь, кабину облили бензином.

— Ку-клукс-клан какой-то.

— Двадцать шестого января (Шпак решил не реагировать на реплики подозреваемого) две тысячи первого года по адресу: улица Академика Королева, дом 14, в подъезде № 3 неустановленной личностью была вырвана из кабины лифта и унесена в неизвестном направлении панель с кнопками, а на дверях кабины (и снова глаза в глаза) черным фломастером написано: «Кони», — буквы печатные; и нарисована эмблема спортивного клуба ЦСКА.

— Двадцать третьего февраля...

Особенно меня поразило восьмое марта, точнее, женские гениталии, «прорисованные с особой тщательностью», — цитирую протокол; точнее, не сами гениталии, а их размер — от пола до потолка.

— Тридцать первого марта две тысячи первого года по адресу...

Меня загоняли в угол. С каждым новым нераскрытым преступлением фигура террориста прибавляла в весе и, судя по взгляду младшего лейтенанта, отчетливо приобретала мои черты. Когда мы приблизились к маю — весь апрель я беспредельничал, — невыносимо захотелось принести себя в жертву кровавому образу и взять вину на себя.

— Pardon, — от страха за будущее я перешел на французский, — возле каждого подъезда установлены камеры видеонаблюдения. Быть может, имеет смысл просмотреть записи?

— А ты не так прост. — Наверное, мой французский произвел впечатление, и Шпак перешел на «ты». — Еще насмотришься.

Мысль, что я могу увидеть на экране, как выхожу из разных подъездов, поразила своей нелепостью. Я начал судорожно вспоминать, когда и в какие подъезды заходил.

— Девятого мая...

Зачем же девятого?.. Они могут сделать видеомонтаж, этот Шпак, он на все способен! Где я был девятого мая? Наверняка ведь куда-то заходил?..

Так продолжалось до двадцать восьмого июня. На этой дате дверь в кабинет распахнулась, и краснощекий майор, по-хозяйски зайдя в комнату, пригласил за собой Зинаиду Петровну.

Зинаида Петровна, милая старушка, сдавшая меня ментам, страдала провалами памяти. Она жила на первом этаже и всю жизнь, сколько я ее помню, жила бабушкой. Лет двадцать назад их было трое, они сидели на лавочке перед подъездом, и я был уверен, что это ведьмы. Иногда ведьмы подзывали меня, протягивали карамельки и говорили: «Бери, не бойся!», а баба Валя добавляла: «Нам бы твои зубы!» Отказываться было страшно. «Что надо сказать?..» Сжимая в горячей ладошке «Гусиные лапки», я бежал за угол дома и там, после мучительных колебаний, выбрасывал гостинцы. Затем баба Валя умерла, а квартиру бабы Нади продали внуки, забрав старушку к себе. Кто-то говорил, что она сейчас в доме для престарелых, где-то в Мытищах, что уже не встает и в знак протеста ходит под себя, а нянечки ее за это бьют, и никто ее не навещает, даже по праздникам. Так вот, Зинаида Петровна все вспомнила — и бабу Валю, и бабу Надю, и меня:

— Сначала я подумала, что это бандиты! Сами знаете, какая жизнь пошла. Хоть телевизор не включай!